

ЕВА ЛИСИНА: Геннадий Айги и религия – воспоминания сестры

В сентябре 2019 года мне выпало счастье побывать на родине чувашского поэта Геннадия Айги, где проходила юбилейная конференция в честь его 85-го дня рождения. Там я познакомилась с его сестрой, писательницей и переводчицей Библии на чувашский язык Евой Лисиной, но разговор между нами так и не состоялся тогда из-за очень насыщенной программы. Поэтому она обещала письменно ответить на те вопросы, которые мне хотелось ей задать. Они касались религиозной жизни Геннадия Айги, его отношения к христианству, к исламу и к старым чувашским верованиям. Здесь публикуются ее ответы, из которых мы вместе с ней составили самостоятельный рассказ¹.

Ангелика Шмитт, Трир 24.01.2020

Надо учесть два обстоятельства: мы – брат, сестра и я – родились в советское время. Царствовали безудержный атеизм и культ Сталина. Мы были и пионерами, и комсомольцами. В школе активно учили, что бога нет. Мне казалось, если произнесу такое, я умру на месте. Поэтому, если в школе возникал такой момент, что нужно было сказать подобное, у меня «заболевал живот», и я ускользала из класса. Как выходил из этой ситуации Гена, не знаю. Но в нашем доме никогда такого не говорили.

Очень большое значение имело то, что мы были детьми учителя. Хотя мы были обыкновенными детьми (как-то Гена сказал: «Нас воспитал народ» – имеется в виду соблюдение вековых обычаев, нравственных требований народа, во многом совпадающих с христианскими заповедями), все же дети учителей составляли как бы высшую касту. И всегда чувствовали главную обязанность: нам надо хорошо держаться, быть воспитанными, одним словом, стать высокопорядочными людьми. Если случались детские ссоры, некоторые матери сразу же с жаром бросались защищать своих детей, а наша мама поступала по-другому: сначала разберется досконально, узнает, как вел себя ее ребенок (после того, как в 1943 году погиб наш отец, все воспитание легло на ее плечи). «Свою вину не вваливай на других» – это было главное правило в подобных ситуациях. Конечно, мама любит нас, защищает, но бывало, она оправдывает чужих «обидчиков». Поэтому мы знали, что наша мама справедливая, и мы могли рассказать ей все без утайки.

Конечно же, мама была крещена в самом младенчестве в первые месяцы после рождения, при крещении дали ей христианское православное имя в честь святого Феодосия Великого. Во всех документах она – Феодосия (сейчас это имя носит моя дочь, названная в честь бабушки Феодосией), чувашки это имя превратили в Хведусь. В нашей деревне я никогда не слыхала языческого имени, все носили христианские имена (с изменением на чувашский лад), значит, все были крещены.

Деревня наша была большая, около двухсот дворов. Может быть, среди взрослого населения (не считая двух-трех учительниц) там было несколько женщин, умеющих хотя бы подписаться. Моя же мама Феодосия Егоровна (1905–1960), будучи семилетней девочкой, сама пошла пешком в соседнее село и записалась в двухгодичную церковно-приходскую школу. Окончив ее, она прекрасно писала, к тому же понимала и по-русски, и по-татарски. Молитву «Отче наш» читала на русском и чувашском.

Мама держалась в лоне Церкви. Но близлежащие храмы были разрушены, священники арестованы (многие погибли в сталинских лагерях). Может быть, в деревне

¹ Спасибо Эдуарду Фомину, который обеспечивал наше общение электронным путем.

были одна-две Псалтири, одно-два Евангелия. К обладателям этих книг народ относился с уважением. Все знали, что они владеют бесценным богатством. Было несколько семей, живущих истинно по-христиански. Даже воспоминание об одной верующей женщине доносит до меня чистое веяние. Она была вдова (в сущности, мы жили в деревне вдов, как писал Айги)², жила на нашей улице с больной дочерью. Проходя мимо, я всегда останавливалась у ее крыльца: ступеньки, по которым ходили ежечасно, сияли такой чистотой, что казались только что выскобленными. И всегда мне в голову приходила одна и та же мысль: «Если у нее крыльцо такое чистое, как же должно быть внутри дома!». Мне очень хотелось попасть туда, но повода для этого так и не нашлось. Говорили, что у нее много икон. Безусловно, один экземпляр Евангелия принадлежал ей. Она жила уединенно, тихо, в деревне ее любили. Нельзя сказать, что она была красива (в них, сиротливых, изможденных непосильной работой и непомерными налогами, трудно было найти следы физической красоты), но на ее лицо хотелось смотреть и смотреть. Теперь я понимаю, что за красота отражалась на ее лице: это были свет и кротость...

Такое же лицо было у ближайшей подруги моей мамы. После освобождения из тюрьмы наш отец несколько лет преподавал в школе деревни Шигали в пяти километрах от Шаймурзино. Там мама познакомилась с одной женщиной, Варварой, и дружила с ней. У некоторых глубоко верующих христианок лицо будто светится. Именно такой была тетя Варвара. Она работала в церкви села Туруново, что совсем близко от Батырева. В нашем краю это была единственная действующая церковь. Наша Луиза родилась в 1937 году в Шигалях. Конечно, она была крещена. Не сомневаюсь, что в этом действии важную роль сыграла тетя Варвара. По всей вероятности, она и была крестной Луизы. Потом уже, после гибели отца на фронте, когда мы жили в родной деревне Шаймурзино, она часто приходила к нам, приносила просфоры. Гена дружил с ее сыном Иннокентием³. Мне кажется, наша мама именно ей рассказывала про все наши радости и горести – они всегда долго беседовали, при этом обе словно светились.

Если говорить об отцовском роде, известно, что дед Эндри Айги был верующим человеком и что у него было Евангелие. Он учил читать своего сына Николая, нашего отца, пользуясь Евангелием на чувашском языке.

В 1941 году летом вся семья (включая и папу) из Карелии возвращается в Шаймурзино. Все мужчины отправляются на войну. Но нашего отца не брали, потому что у него один глаз плохо видел. Мама рассказывала, что он очень переживал, стыдился, что остался в стороне от общего горя, «от стыда даже в школу ходил через огороды» (это мамины слова, а папа в это время преподавал в школе родной деревни). Он два раза ходил в военкомат, просился на фронт. Наконец, добился своего: в 1942 его отправили на фронт, а в 1943 он погиб при освобождении г. Демидова Смоленской области.

В советское время детей крестить было довольно сложно. Во-первых, церкви почти все разрушены: если раньше церковь была совсем рядом, то теперь надо было ехать далеко. Во-вторых, это для многих было опасно: простым семьям крестить детей было легче, чем служащим – если соответствующие органы узнают, что тот или иной служащий, в том числе и учитель, крестил ребенка, то ему грозили большие неприятности вплоть до увольнения с работы.

Гена родился в то время, когда отец сидел в тюрьме: его, образованного человека, назначили еще и бригадиром колхоза. Колхоз разваливался, арест бригадира был неминуем. Младенца крестили, когда ему было всего-навсего несколько месяцев. Для конспирации действие было тщательно взвешено. Я уверена, в этом деле маме помогла ее любимая племянница Серафима – имя-то какое! По-чувашски ее звали Серахви. (Сейчас такое имя носит моя младшая внучка.) Она вышла замуж в соседнюю деревню Атыково. Родители ее

² См. Айги Г.: Тетрадь Вероники / Собрание сочинений в семи томах. Т. 4. М., 2009. С. 13: «В деревне, в которой я рос, было 200 дворов, а с войны не вернулось более двухсот мужчин».

³ См. Лисина Е. Н.: Двенадцатилетний Айги. Чебоксары, 2019. С. 197.

мужа были уважаемые, крепкие духом люди. Они были верующие, открыто исповедующие православие; в колхоз не вступали. Но Серафима и ее муж были колхозниками.

Для крещения была выбрана самая дальняя церковь. Это уж точно, наши односельчане, шаймурзинцы, туда не ходили. И крестную выбрали обдуманно: не из нашей деревни, а из Атыково. Это была глубоко верующая женщина из уважаемого рода Остроумовых. Мама сообщила будущей крестной, что если родится мальчик, отец ребенка хотел дать ему имя Лев (конечно же, в честь Льва Николаевича Толстого), но ей такое имя не нравится (наверное, это имя напоминало ей диких зверей – льва, тигра и т.д.). Остроумова поняла, что отец хотел назвать своего сына не обычным, а многозначным именем, и предложила свой вариант: мол, есть такое прекрасное древнее имя – Хунади (в переводе с чувашского – сын гунна). Маме такое понравилось. А при крещении священник по аналогичному звучанию превратил его в православное имя Геннадий. Вот так и крестили.

Гена очень любил свою крестную. Часто посещал ее, знал членов ее семьи. Остроумовы любили этого искреннего, любознательного мальчишку, а через много лет они гордились своим крестником-поэтом.

Гена всегда говорил: «Напиши про Луизу повесть».

Луиза – инвалид первой группы с детства. Диагноз – олигофрения. Мама никогда специально не говорила мне когда-нибудь стать опекуном своей сестры (она старше меня на два года). Но я с самого детства знала, что я никогда не брошу ее, в моем сознании это означало: никогда не дам ее в обиду. После смерти мамы в 1960 году Луиза всегда живет со мной.

Был такой случай. Однажды, в 1980 годы, к нам постучалась одна пожилая женщина. Представилась, оказывается, она живет в соседнем доме. Обращается ко мне: «Говорят, у вас есть инвалид первой группы. Я тоже живу с инвалидом первой группы, с внуком. Наша жизнь просто невыносимая – он кричит, бьется, не спит ночами, прячется под кровать. Как вы управляетесь со своим инвалидом? Покажите мне его, пожалуйста». А Луиза в это время гуляла на улице. Тогда старухи любили сидеть на скамейке перед домом. Луиза (все звали ее Лизой) любила сидеть с ними, всегда садилась рядом с одной старушкой, сидит себе – тихая и приветливая. Вот и говорю этой соседке: «Она сейчас на улице. Перед домом на скамейке сидит». – «А кто это?» – «Лиза». Соседка просто остолбенела: «Так это Лиза?! Да это же ангел божий! Это счастье жить с таким человеком!»

...Однажды, уезжая в командировку, я оставила ее у близких друзей, в семье священника. Конечно, живя там, она часто посещала храм. Вернувшись, я узнала, что прихожане называли ее блаженной Лизой...

Работая над переводом Библии на чувашский язык, я в одно время жила в Спасо-Преображенском женском монастыре в г. Чебоксары. Конечно, Луиза была со мной. Через некоторое время игуменья обращается ко мне: «Отдайте нам Лизу, она у нас будет блаженной!» Я, конечно, отказала: «Как она без меня? А я как без нее?» А она: «Тогда я готова постричь вас обеих в монахини.»

...Мы были в церкви. Это могло быть в 1963-1964 годах. Луиза стоит (уже долго!) не шелохнувшись. Я брату говорю: «Смотри, как стоит наша Луиза!» Гена: «Она же в родном доме!»...

Конечно, Гена очень любил ее. Посвящал ей стихи и на чувашском, и на русском. Знал ее место в этой жизни. Но у нее многому можно было научиться. Можно сказать, что она обладала врожденной религиозностью, и этот дар воочию показал бы глубинный смысл многих понятий и действий. Но чтобы видеть это, нужно было жить вместе с ней изо дня в день. Для Гены это было невозможно. Я сожалею, что из-за этого он упустил многие поистине дорогие и бесценные моменты.

Насчет ислама. Айги был широко образован. Конечно, ислам, одна из мировых религий, был интересен для него. Тем более, мы, чуваша – тюркский народ. Но из тюркских

народов только мы – христиане. В нашем Батыревском районе много татар: есть татары, принявшие христианство, но есть и чувашы, принявшие ислам. Сохранились песни (печальнейшие!) чувашей, переселяющихся в Стамбул. В Батыревском педучилище (1949–1953) Гена учился вместе с татарскими мальчиками, дружил с ними, под их влиянием начал переводить с татарского на чувашский стихи Г. Тукая, Х. Такташа и А. Кутуя. Знакомство с народом через стихи его великих поэтов! В нашей деревне к татарам относились с опаской. Но произошла одна история, и очень многое изменилось (я описываю эту историю в своем рассказе «Брат Садри, или Я не хочу, чтобы Фатима плакала», который основан на реальном событии; герой рассказа Ягур – это наш дед Егор)⁴. Самое интересное, из вон выходящее – одна из дочерей Серафимы вышла замуж за татарина!.. А Серафима говорила: «Это лучший зять на свете! Самое главное – каков человек, а человек он – благороднейший!»

Айги как-то сказал: «Мы – народ пантеистический». Действительно, природа для нас, чувашей, – живая, одушевленная, и земля, и небо, и камни – все-все – живое!

Языческие верования ощущались в быту, в повседневной жизни. Элементарными знаниями в этой области владела любая мать (она же защищала своих детей!). Допустим, ребенка взяли в гости, там на него смотрели, любовались им, а когда вернулись домой, ребенок заболел, – значит, его сглазили (есть заклинание на такой случай, только надо уметь, как его читать). Допустим, двое сильно поссорились, а потом один из них почувствовал себя плохо; в таком случае говорят: «На него зло напало». Чтоб отвести это зло, могли читать заклинание. Еще один пример: девушке нравится какой-то парень, а он не обращает на нее внимания. Девушка может обратиться к гадалке: чтобы та приворожила парня, чтоб он влюбился в девушку. Но для нашей мамы подобное было неприемлемо. Я помню такой случай: при пахоте огорода мы нашли «заговоренные» монеты. Не сомневаюсь, многие бы побоялись прикоснуться к ним, некоторые бы обратились к знахарю. Мама же взяла эти монеты в руки: «Какая пакость! Откуда появились, туда и отправляйтесь!» – и швырнула в сорняки. Под крылом такой мамы мы выросли без суеверия и страха.

В нашей деревне была гадалка – полуслепая женщина, некоторые ходили к ней. Я никогда в доме этой гадалки не бывала, может быть, Гена из-за простого любопытства заглядывал туда (там молодежь устраивала посиделки: девушки занимались рукоделием, наверное, парни рассказывали разные прибаутки).

В дневнике Айги за 1947 год (ему 13 лет) я встретила любопытную запись: «Слепая Елюсь обратилась ко мне за помощью». Подробно не пишет. Мне кажется, у нее произошел какой-то вопиющий случай: может быть, обидели ее дочь. Вот за защитой она обратилась к «власти»: ведь Генины заметки о нашей деревенской жизни частенько публиковались в районной газете «Коммунар». Может быть, Елюсь хотела, чтоб Гена написал об этом случае и таким образом защитил ее (но это мои домыслы, хотя я уверена, что было именно так).

Все эти случаи – из обыкновенной будничной жизни, ничего особенного они для нас не значили.

Иногда какая-то мелочь раскрывает всю жизнь. В дневнике 1946 года (12-летний мальчик!) пишет: он победил на конкурсе чтецов, ему подарили самый лучший подарок – одну тетрадь и один карандаш! Он был рад необычайно, но радость омрачилась: из тетради вырваны были две страницы. В те годы любой клочок бумаги был ценнейшей вещью!

В такой поразительно бедной жизни было истинное богатство, которое дарило нам красоту, радость, утешение: это чувашское устное народное творчество. В нем были мудрость, страдания, сострадания человека, народа. Его единение с природой. Оно не было

⁴ В рассказе «Брат Садри, или Я не хочу, чтобы Фатима плакала» речь идет о татарине, который был конокрадом, всю округу держал в страхе. Синьяловцы поймали его и избили до полусмерти. Но лесник Ягур (отец Феодосии Егоровны) случайно спас его. Рассказ напечатан в журнале «Тăван Атăл» («Родная Волга») в №10 за 2016 год.

отстранено от нас, мы жили с ним, в нем, без него нашу жизнь невозможно представить. Сейчас есть многотомные издания этих текстов, тогда их не было, а мы же видели и слышали это в первозданной чистоте. Прежде всего, это касается песен, которые передавались из поколения в поколение бережно, без изменения, без всякой обработки – те же напевы, мелодии, те же слова. Можно сказать без преувеличения – каждая песня шедевр. Наше детство окрашено ими, сейчас, вспоминая их, конечно же, в первую очередь приходят на память хороводы, хороводные песни. Хоровод – древний праздник, проводят его в строго намеченное время после окончания сева до косьбы. У него свои напевы. В другое время их не поют. Образно говоря, поют в свое время, а потом их «запирают» в сокровищницу, чтобы хранились там в неприкосновенности. Песни сургури (зимний молодежный праздник), свадебные песни, плач невесты, песни ссыльных, песни переселенцев, песни солдат, трудовые песни... – их тысячи, они все древние, выстраданные... Поражает одно: как это можно, чтобы простыми словами добиться такой образности, которая потрясает душу...

Конечно же, мальчик – рожденный поэтом, восприимчивый, эмоциональный – питался народным творчеством. Чувашский язык богат звукоподражательными словами, поэтому любое действие мы не только видим, но и «слышим» (это очень трудно передать в переводе). Особо блистали этими звуками трудовые песни⁵.

В дневнике 1947 года Геннадий пишет, что в школе прочел доклад «Дореволюционная чувашская литература». В книге «Плач по брату» есть такие строки: «На столе же его – “Песни низовых чуваш”»⁶. Это было в то время, когда он писал «Поклон пению».

Насчет нашего «шаманизма» многое надо уточнить.

О подобном мы раньше не слыхали. Заговорили об этом в 1960 году. Касаясь этой темы, обычно ссылаются на старшую сестру нашей мамы – на тетю Маттук: дескать, она владела особыми знаниями в области язычества. Наша мама Феодосия Егоровна родилась в 1905 году, а тетя Маттук – в 1897 году. Обе сестры были красивые, умные, волевые, одним словом, это были самодостаточные личности. У них было пять братьев; два старших брата: самый старший, Павел (будущий отец нашей двоюродной сестры Серафимы) был гренадером в царской армии (известно, в гренадеры отбирали рослых, статных красавцев), второй старший брат – Михалькки⁷ и три младших брата (один из них, Клементий, погиб в немецком концлагере недалеко от г. Мюнстера. В моем рассказе «Предзимье»⁸ есть отрывок: «Тарье инге несколько минут лежала тихо... потом она говорила с давно умершими матерью и братом»). Вот этот брат как раз Клементий и был. Тогда мама назвала его по имени – Клемук). Наши дяди были очень простые и добродушные люди. У самой тети Маттук было три сына. Ее мужа на фронт не брали (наверное, из-за возраста), а старший сын их погиб на войне. Это была зажиточная семья, они содержали пасеку – признак зажиточной семьи! Пасека располагалась в лесу, что давало возможность тете часто и подолгу бывать в лесу: она знала каждую тропинку, была отличный гомеопат (она не практиковала, но членов своей семьи и личный скот лечила превосходно).

В 1960 году я немного коснулась древних обрядов. В том году умирала наша мама. Ей было 55 лет. Диагноз – рак матки. Она предполагала, что эта страшная болезнь развилась из-за одного события. Они, женщины нашей деревни, – мужчин же нет, почти до одного погибли на войне – валили лес. Была зима. Стояли морозные дни. А у мамы шла менструация. Когда она рассказывала об этом, произнесла жуткую фразу: «Я тогда заледенела до пояса...»

⁵ Маленьким примером являются стихи «Уборкăра» («На уборке») двенадцатилетнего Айги, см.: вуниккёри Айхи / двенадцатилетний Айги. Сост. Е. Н. Лисиной. Чебоксары, 2019. С. 162-163.

⁶ Лисина Е. Н., Лисина Л. Н. Плач по брату. Чебоксары, 2020. 81 с.

⁷ См.: вуниккёри Айхи / двенадцатилетний Айги. Чебоксары, 2019. С. 201.

⁸ Лисина Е. Н. Предзимье // Чувашский рассказ. Дети леса. Чебоксары, 2016. Т. 1. С. 247–255.

Когда мама болела (она уже не вставала с постели), к нам несколько раз приходила ее старшая сестра Маттук. Мама лежала, а тетя сидела у ее изголовья, они долго беседовали. После одного такого визита мама мне сказала: «Надо сходить на Кашла, принести жертву киремет – мы же там мучились с коровой»⁹.

Я интуитивно чувствовала, что ничего нельзя расспрашивать. Мама сообщила мне, куда и к кому идти. Вот отправилась я в соседнюю деревню к знахарке (значит, в нашей деревне не было знахаря?). Это была пожилая женщина, можно сказать, старуха. Я не смела смотреть на нее внимательно, поэтому не знаю, как она выглядела на самом деле. Она пришла в назначенный день вечером. Шел снег. Я вывела ее из деревни и повела по тропинке, по которой можно было добраться до киремет (это место, где приносили жертву злему духу). Киремет находился вдали от дороги в излучине реки Кашла в трех километрах от деревни. Там стоял громадный дуб, которому, наверное, тогда было больше ста лет.

Был очень красивый, но жуткий, вызывающий тревогу вечер. Я ждала знахарку в стороне. Шел такой густой снег, что на обратном пути мы заблудились. Плутали долго. Когда наконец-то добрались до дома, узнала, что в наше отсутствие маме стало плохо. А она нам сказала: «Что-то вы не так сделали – ваша жертва не принята». Что это означало, я до сих пор не понимаю...

Уже в 2003 г. нашего киремет не было. Конечно, дуб не срубили, он разрушался постепенно. Сейчас там все проросло травой. Обычно киремет обходят, без надобности к нему не подходят. В детстве я только раз видела его вблизи – хотела кратким путем добраться до больницы, расположенной на опушке леса недалеко от села Тарханы. Там стоял громадный дуб, на нижней ветке висело полотенце, внизу были рассыпаны какие-то монеты.

После смерти мамы брат уехал в Москву. Мы с сестрой остались в деревне. В это тяжелое время Маттук аппа стала для нас самым близким человеком. Большая умница, жесткая, волевая, – меня тянуло к ней, мне хотелось говорить с ней.

Я воочию увидела ее силу. Произошел такой случай. Мне надо было вернуться в Москву – продолжать учение, прерванное из-за болезни матери. Я готовилась к отъезду – надо было продать дом, убрать урожай с огорода. Уже выкопала картофель и продала его. Деньги за продажу, немалые деньги, положила за наличник. Это видела одна девушка по имени Валя. Вот эти деньги пропали. Конечно, деньги могла украсть именно эта девушка. Но не пойманный вор – не вор. Что делать? Я пошла к Маттук аппа. А она так просто: «Я научу тебя, как вернуть эти деньги». И рассказала, что делать. Я все исполнила так, как она научила. В действии было два участника: пылающий огонь и фраза-заклинание (это должна была произнести я), чтобы выявился тот человек, который украл мои деньги. Но при произнесении этих слов я ощутила, именно ощутила, что они абсолютно пустые, они – как шелуха, а в них, конечно же, должна быть сила огня. Было еще одно ощущение – неприятие этого. Я видела грозную силу, но это было неприемлемо для меня (выявилось мамино воспитание!), таким делом заниматься нельзя.

Я пошла к тете. Она меня ждала: «Я знаю, что у тебя ничего не получилось. Этим придется заняться мне. Иди домой, жди».

А через полтора-два часа ко мне прибежали посланцы от Вали: оказывается, у нее страшный жар, лежит при смерти.

Деньги вернулись. После этого и девушка выздоровела...

Тогда, в 1960 году, Маттук аппа рассказала мне удивительную историю. Это звучало так: «Я тогда была совсем маленькая. Я запомнила большое поле. Туда собралось много народу. Наверное, вся деревня. Впереди стоял мой дедушка (она сказала *асатте*, это означает дедушку с отцовской стороны). Дедушка стоял впереди, он что-то говорил, говорил

⁹ Ева Лисина описывает этот случай в рассказе «Предзимье» (см. сноску 8): в тяжелое послевоенное время их корова, кормилица семьи, застряла в весенних водах Кашла, рядом с киремет. Чтобы спасти ее, героиня рассказа входит в ледяной поток.

четко и ясно. Весь народ внимал ему». Этот рассказ поразил меня. Мне ясно представилось собрание народа в честь сбора урожая, благодарственное моление и общая трапеза. А человек, который управлял народом, представлялся мне физически сильным и красивым (он же был из рода Юман!¹⁰), умным, владеющим ясной и убедительной речью (вот что увидела умненькая девочка с пронзительно голубыми глазами, потом всю жизнь хранила это в своей памяти). Я была потрясена. Конечно, вернувшись в Москву, я об этом рассказала своему брату. Тот тоже был потрясен. В какой форме и кому сказал он об этом, я не знаю. Но вскоре чувашские средства массовой информации всполошились, словно каждый первый хотел сообщить «разгадку» поэзии Айги. Из СМИ я узнала много «нового». В первых публикациях сообщалось, что Айги еще в младенчестве слышал колыбельные песни от своих бабушек (действительно, бабушки нянчат внуков). К великому сожалению, по отношению дедушек и бабушек мы были сиротливы: еще наш папа рос сиротой (мама его умерла рано, потом скончался и отец), мама наша осталась без отца еще ребенком, а наша бабушка с двумя сыновьями еще до нашего рождения выехала в Сибирь, где скончалась на какой-то железнодорожной станции. Так что дедушек и бабушек своих мы не видели. Думаю, и колыбелек-то не было: в 1933–1937 годах наш отец, уже раз арестованный, спасаясь от преследования, со своей семьей переезжал из одной деревни в другую. Своего дома у них не было, жили на квартире. Колыбелька, висящая с потолка, занимает полкомнаты, так что позволить себе такую роскошь они не могли... Но мы знали эти прелестнейшие колыбельные песни из устного народного творчества. Фантазии журналистов разрастались. И вот в одной газете появилась статья, где черным по белому было написано, что наша мама была гадалкой. Это было прямым оскорблением нашей матери. Наша двоюродная сестра Серафима, любимая племянница мамы, высказалась прямо: «Мы – уважаемый род, негоже говорить про нас такие небылицы».

Надо было заступиться за честь мамы. Мне пришлось поговорить с братом и высказать свое несогласие со СМИ. Гена соглашался со мной, буквально сказал так: «Я и сам не знаю, как остановить их. Попробуй ты, у тебя должно получиться». И я написала статью в эту же самую газету. Статья была не резкая, доброжелательная, автор понимала, что Айги сложный поэт, конечно же, его творчество требует исследования, но в этой области надо быть осторожным, чтобы не случились нелепые казусы, как статья про нашу маму и т. д. И как отрезало. Сразу все прекратилось, больше таких нелепостей я не читала.

Вскоре после этого на каком-то вечере в Чебоксарах Айги объяснился довольно просто: «Когда говорят *жреческий род*, *жрецы* могут возникнуть какие-то ассоциации с египетскими жрецами. Конечно, это неправильно. Наш апӑс (жрец) был обычный крестьянин, жил обычной крестьянской жизнью, безусловно, он знал слова молений, в необходимых случаях управлял обрядами. Это не передается по наследству, поэтому совсем не обязательно, что дети его занимались тем же». Это означало вот что: в деревне не было такого понятия как род жрецов, знахарей. По сути апӑс мог появиться в любом роду. Это зависит от личности, от ее способности.

Ясно одно: наш прадед, простой крестьянин, был неординарный человек, чтобы народ внимал, как говорила Маттук аппа, ему надо было передать народу власть слова.

Безусловно, воспоминания тети повлияли на нас. Я говорю о себе. Изменилось мое отношение к словам: я начала видеть, что они несут силу, словно они обладают физической силой. Вместе с этим будто появилась осторожность в обращении со словами.

Но... в 1973 г. произошел странный случай. Гена приехал ко мне под вечер. Было видно, что он чем-то взволнован. Вытаскивает какую-то книгу и показывает мне: «Вот у меня книга вышла». Книга называлась «А saman fia». Я спрашиваю: «Это книга твоих стихов?» – «Да», – отвечает он спокойно. – «А книга как называется?» – «Сын шамана». (Потом он признался, что вначале не хотел показать своего возмущения, потому что хотел видеть мое первоначальное восприятие от этой книги – а наши впечатления совпали!) Я была

¹⁰ Юман – рус. дуб.

ошарашена: «А при чем здесь шаман?» – «Вот именно! Вот именно! При чем тут мои стихи?! Значит, они совсем не понимают моих стихов! Считают мои стихи какой-то непонятной игрой?!»

Чего только он ни говорил. В его словах сквозила и обида. Надо было что-то делать, как-то успокоить его. Я сказала: «Давай обсудим. Это мы так принимаем. Может быть, они воспринимают эти слова спокойно, может быть, это означает “Волшебные стихи”, “Стихи волшебника” – что-то вроде этого. Надо спросить об этом хотя бы русского читателя». И я решила позвонить кому-нибудь из друзей. Тогда дома телефона не было, и я пошла на улицу позвонить из автомата.

Позвонила я своему коллеге Г. Крюкову, медику, умнице, который очень любил Айги и его стихи. Когда я сообщила ему, что у Айги вышла книга на венгерском языке, название книги на русском означает «Сын шамана», он очень удивился: «А при чем тут шаманство? Насколько я знаю, чувашки не имеют отношения к шаманству». Когда я рассказала коллеге о состоянии Айги, он, подумав, ответил: «Что написано пером, то не вырубишь топором. Выход один: не акцентировать внимание на это название, ни с кем не обсуждать, делать вид, что ничего не произошло. Быстро переверните обложку и читайте! Думаю, они и на венгерском языке звучат прекрасно!»

Мы так и поступили. Никогда не говорили о названии этой книги. Вполне возможно, и название было нормальное...

Оказывается, «шаманство» внедрилось. 24 сентября 2017 года я получила письмо от Сергея Бирюкова. Он прислал мне статью «Вулкан Парнас», опубликованную в журнале «Зеркало»¹¹. В этой статье есть отрывок «Чувашский шаманизм» (автор Валентин Хромов), который так поразил меня, что я написала Бирюкову большое письмо, доказывая, что я совсем не шаманка.

В интервью 1993 года, когда спросили Айги о его мнении по поводу попыток возродить древние верования среди чувашской интеллигенции, он ответил¹²: «Это хвастовство, самообольщение. Если сказать прямо, тут есть и желание обмануть самих себя. Некоторые любят хвастаться, жаждут славы. Говорят: “Мы поведем народ”. А народ их и не знает, и не просит их: дескать, поведите нас. Сейчас у нас есть и такие, которые считают чувашское язычество самой высшей мудростью в мире. Они хотят христианизированному народу заново вернуть язычество. Такого никогда не может быть. Прошлое не сделаешь настоящим. В древних чувашских верованиях были истинные силы. Что было хорошего, это верование дало народу. Я глубоко почитаю древнее верование. Но то, что хотят его сделать сегодняшней верой, это очень плохо».

А на вопрос «Бог для Вас что значит?» он говорил: «Бог – сила, которая сотворила мир, вседержащая сила (эти слова – Вседержитель, Творец неба и земли – есть в самом начале Символа веры). О том, какая это великая сила, очень хорошо сказал Сёрен Кьеркегор: “Бог за единое мгновение может уничтожить весь мир. Мы не можем шутить с этой силой. Это невыразимо великая сила, которую невозможно объяснить. Вот эта сила в истории человечества впервые стала человеком и пришла к людям и открыто и напрямую говорила с ними. Это – Иисус Христос. Я верю каждому слову Нового завета и всему, что говорил там Христос про Себя”. Про Бога нельзя говорить много и красиво. И во время разговора в душе должен быть покой, как во время молитвы. Хочу сказать еще это: я верую во Христа, поэтому не могу принять древнее чувашское верование. Я почитаю его, но не могу считать его сегодняшней истиной».

¹¹ Хромов В.: Вулкан Парнас. Самография // Зеркало. 2017. – № 49. – URL: <https://magazines.gorky.media/zerkalo/2017/49/vulkan-parnas-3.html>. – Дата обращения: 03.03.2020.

¹² Айги Г. «Сын тёнчене хисеплесен, пётём тёнче пуянлăхё унăн аллинче пулĕ...» // Айги Г. Собрание сочинений. Т. 4. Чебоксары, 2019. Т. 4. С. 56–60. Пер. загл.: «Если человек почитает мир, то все богатство мира будет в его руках...».

Поговорим о Церкви и христианстве. Уже по факту крещения Гена был христианином. Так как все церкви были разрушены, то мы в детстве в Чувашии в церкви не бывали. Может быть, Гена несколько раз заходил в церковь села Туруново (это село расположено рядом с Батыревым, а Гена учился в Батыревском педучилище). Один мальчик – Леонид Лялькин, необычайно талантливый – учился в этом училище, Гена с ним дружил, иногда ходил к нему. Дом Лялькиных стоял рядом с церковью. Гена мог заходить туда. Позже Леонид принял монашество, а сестра его стала монахиней. Интересное совпадение: в 2006 году на похоронах Айги его отпевал священник именно из этой церкви. Духовного отца, у которого он исповедовался и причащался бы, у него не было. Айги пришел к христианству «благодаря чтению Кьеркегора, русских теологов»¹³. Я думаю, что это не совсем так. Конечно, чтение таких книг помогает. Но чтоб укрепиться в христианстве, ему нужны были практические шаги. Такая помощь у него была: в конце 50-х годов Айги в Москве познакомился с семьей Эрастовых (см. стих «Дом друзей. К. и Т. Эрастовым»¹⁴). Это были высокообразованные, верующие христиане. Айги бывал у них очень часто. Айги крестил одну из их дочерей, я же была крестной их второго сына. Кстати, сейчас их старший сын Дмитрий – Архиепископ Австралийской православной епархии. Прийти к вере – это тайна (коснется ли человека такая благодать?).

В начале 70-х произошел поразительный случай. Гена заехал ко мне. Я тогда находилась в трудном материальном положении. Гена посмотрел на меня внимательно и сказал: «Как же тебе тяжело!.. А я ничем не могу тебе помочь. Но я научу тебе одному средству, благодаря чему я жив и живу. Это молитва». Я сказала: «Подожди, я возьму бумагу и карандаш – запишу». Он: «Не надо. Это очень короткая молитва. Ты ее сразу запомнишь. Повторяй за мной». И он научил меня Иисусовой молитве.

Через много лет, уже в 1990 годы (именно в 1996 или же 1997 году) я сделала Геннадия прекрасный подарок: из книги «Силуан Афонский» пересняла фотоснимок святого и подарила его брату в день рождения. Брат восторженно воскликнул: «О, отец Силуан! Как же он помог нам! Тогда вся Москва читала его!»

В 1960-1965 годы мы все трое жили в селе Троице-Голенищево в 15 минутах ходьбы от Мосфильма. В те годы чаще всего читали стихи К. Батюшкова, И. Анненского и В. Хлебникова. Гена много говорил о книге Н.Ф. Федорова «Философия общего дела», читал В. Розанова и «Мысли» Паскаля.

Гена любил такие «экспромты»: что-то спросит или скажет, и начинается нечаянный разговор. Однажды он спросил: «Ева, ты чувствуешь в себе благородную кровь?» – «О да!» – ответила я. – «Я – тоже», – сказал Айги, довольный. И мы рассмеялись. В ту минуту он был спокойный и сильный.

Святые в нашей жизни – мы чтим, любим их, мы обращаемся к ним в молитвах, читаем их житие. Ведь такое общение происходит в тайне, в тишине. Поэтому боюсь говорить об этом. Конечно, к Серафиму Саровскому Айги относился с великим почтением, но тайна пусть останется тайной. В 1990 годы мы часто говорили о двух святых. В основном потому, что они были чуваша, а Гена радовался, что из нашего народа вышли святые. Постараюсь объяснить.

В 1990 годы меня пригласили в Казань на презентацию книги Нового завета, переведенного на татарский язык. Я тогда заканчивала перевод Библии на чувашский язык. В Казани много татар, принявших православие. У них есть и своя церковь. Там я увидела, как

¹³ См.: Робель Л. Айги. М., 2003. С. 60.

¹⁴ Айги Г. Собрание сочинений. Чебоксары, 2009. Т. 2. С. 45.

глубоко почитают они святого мученика Авраама Булгарского. К стыду своему, я почти ничего и не знала о нем. Настоятель церкви отец Павел (Павлов) с великой любовью рассказал мне про него, дал литературу о нем, подарил его иконы.

Вернувшись в Чебоксары, я написала большую статью. Когда писала, изучила всю литературу про него: будущий святой родился и жил в Волжской Булгарии (XIII век), – он вполне мог быть чувашом (сейчас все думают так). Айги тогда так и воскликнул: «Да это же наш первый святой!» Он очень любил этого святого, когда провожали Айги в последний путь, я положила к нему икону этого святого.

Рядом с селом Туруново есть деревня Алманчино. Там построили новую церковь. Настоятель этой церкви отец Серафим (Лялькин) обратился ко мне с просьбой, чтобы я написала статью про бывшую жительницу этой деревни Анисию Петрову, истинно верующую, за это арестованную в 1937 году, сосланную в Магадан и там расстрелянную, которую теперь все почитают как святую. Мне удалось поработать в архивах Министерства внутренних дел, своими глазами увидеть протоколы допросов, увидеть (услышать!) ответы этой простой крестьянки, увидеть ее подпись (буквы «падают» в разные стороны), подпись будущей святой!.. Статья была напечатана. Айги относился к святой с глубочайшим почтением, когда подходил к ее фото, висящему у меня на стене чебоксарской квартиры, с нежностью называл ее Униççe аппа (сестра Анисия).

В связи с переводом Библии на чувашский язык, чтобы быть в гуще родного языка и быть рядом с чувашскими священниками, я с 1991 года живу в Чебоксарах. Поэтому с Геннадием встречалась только здесь, в Чебоксарах, когда он приезжал сюда. А лето мы проводили вместе в деревне Денисова Горка. Наши разговоры (скажем, бесконечные разговоры) в основном касались библейских тем (см. «Плач по брату»: «Именно на этом поле»)¹⁵.

Российское библейское общество хотело, чтобы Айги участвовал в переводе Библии на чувашский язык. Для обсуждения этой темы сотрудник РБО приезжал сюда, в Чебоксары. Разговор происходил при мне. Сотрудник РБО предложил Айги перевести Псалтирь. Айги ответил сразу: «Пусть переведет Ева Николаевна, а я просмотрю». Сотрудник РБО: «А мы хотели бы наоборот: чтобы перевели Вы, а Ева Николаевна просмотрела бы». Последовала маленькая пауза, и разговор на этом закончился. РБО больше к нему никогда не обращалось. Псалтирь пришлось перевести мне, а просмотрели перевод вместе с богословским редактором. Айги живо интересовался библейскими делами. Но не упускал из виду и мои литературные дела. Видя в деревне, что я все время занята переводом, сказал однажды: «Нельзя же все время заниматься одним переводом. Не забывай, что ты большой прозаик».

В следующий раз он сказал: «Хорошо, что я не согласился переводить, я не смог бы выделить на это столько времени, как ты».

Я попыталась одновременно заниматься и литературными делами, и переводом. Вскоре этому был положен конец. Можно сказать, после того, что я испытала в Чечне, я действительно стала переводчиком Библии. Я не хотела рассказывать об этом – слишком дорого было это событие. Но мой духовный отец сказал, что это свидетельство, это не надо скрывать. Поэтому я написала статью. Статья была напечатана в Чебоксарах в местной православной газете. Это читали все, в том числе и Айги. После этого он никогда не упоминал мне о литературных делах. А через некоторое время сказал: «Ты выбрала правильное»¹⁶.

При переводе Библии возникла очень сложная проблема. Новый завет был переведен на чувашский еще до революции (1917). Были переведены и некоторые книги Ветхого

¹⁵ См. сноску 6.

¹⁶ См.: Лисина Е. Н. Исповедь переводчика // Лик. – 2014. – № 2. – URL: <http://hyar.ru/ru/eva-lisina-ispoved-perevodchika-esse> – Дата обращения: 23.01.2020. В исповеди автор описывает случай в Чечне, когда она оказалась одна в темноте и пережила сверхъестественное явление, которое ее укрепило в убеждении, что ей суждено заниматься переводом Библии на чувашский язык.

завета. Тогда еще и литературного языка не было, поэтому теперь надо было перевести все 77 книг Библии. Но сложность была в том, что до сих пор не было переведено слово *Господь*: и *Господь*, и *Бог* переводили одним словом *Турă*. Вот теперь переводчица Ева Лисина считает, что это слово непременно надо перевести и предлагает новое слово, которого не было в нашем языке. Разгорелись ожесточенные споры, священники опасались, что среди верующих произойдет раскол (а это поистине страшное явление!). В такое критическое время меня первым поддержал Айги. Этот человек умел радоваться. На сей раз он радовался восторженно. Был такой случай. Айги находился у меня. В это время зазвонил телефон. Звонил мой главный оппонент протоиерей Илия (Карлинов) – пожилой священник, умнейший человек, который пользовался у народа огромным авторитетом. Он очень любил Айги, звал его Геннади. Отец Илия был уроженцем села Атыково, может быть, он видел и запомнил того мальчика, который ходил в Атыково к своей крестной. Узнав от меня, что в сию минуту Айги находится здесь, он позвал его к телефону. Разговаривали они долго, в основном – про Библию. Айги говорил, что никакого раскола не будет, потому что, конечно же, слово *Господь* надо перевести, и переведено оно сейчас (через сотни лет!) абсолютно точным словом *Сӹлхуҫа* (Сюльхузја), и оно звучит мощно, – и этому надо только радоваться и надеяться, что оно будет угодно самому Господу. После разговора Геннади воскликнул: «Какой замечательный священник! Он говорит, чувашская Библия получается лучше, чем на русском языке». В конце концов, священство приняло и благословило это слово.

В моей жизни было два-три случая, когда я в жизненно важные моменты действовала совершенно неосознанно, просто механически. Потом выяснялось, что это было единственно верным решением. Именно так произошло 19 февраля 2006 года. Я сидела за письменным столом и редактировала библейский текст. Дальнейшее происходит механически. Вдруг я встаю и подхожу к телефону, звоню близкому родственнику Герману, внуку Маттюрк аппа, и говорю ему, что я срочно – сегодня же – уезжаю в Москву к брату, нельзя ли оставить Луизу у них (при любой поездке у меня возникает такая проблема). Герман охотно соглашается. Еду на железнодорожный вокзал, беру билет, возвращаюсь домой, собираю Луизины вещи и везу ее к Герману. Оставляю ее там и выезжаю в Москву. Все это делается механически, быстро и четко.

Вот так я прибыла в Москву 20 февраля рано утром и сразу же поехала к брату в больницу. Ему оставалось жить одни сутки. Как только подошла к его кровати, он спросил: «Как Библия?» Мне предстояло работать еще целых четыре года, но я ответила: «Перевод закончен». Он сказал: «Слава Богу!» и перекрестился – руку поднимал еле-еле. Потом попросил: «Ко мне никого не пускайте».

Была здесь и Галина Борисовна. Она предложила мне поехать с ней домой, чтобы я отдохнула после дороги, а потом уже приехала сюда еще раз. Услышав эти слова, брат обратился ко мне и сказал тихо-тихо (в голосе чувствовалась мольба): «Тăванăм, ан кай» (Родная моя, не уходи). Русские слова не передают всю нежность слова *тăванăм*. И я осталась. Я была с Айги неотлучно целый день и ночь на 21 февраля.

Сказав, что ей нужно идти в банк, Галя сразу же ушла и в этот день больше не приходила. Это была Божья милость нам – брату и сестре. Мне кажется, тогда он нуждался в родном по крови человеке, хотел иметь рядом с собой родного человека, верного и надежного, так ему было спокойнее. И для меня эта встреча – ведь это было прощание! – была милостью: я видела его в последний раз, если бы не было этой встречи, я горевала бы всю жизнь.

Этот день был очень тихий. Кроме нас двоих никого не было. Я никогда раньше не видела своего брата таким красивым. Невозможно было наглядеться на него. Лицо его сияло. Трудно описать такое сияние. Этот свет был тихий, какой-то «глубинный» свет.

Пусть Господь простит меня (может быть, я говорю не верно), но я могу сказать только одно: если коснулась его Божественная Любовь, то эта тайна посетила его именно в этот день.

День был долгий, тихий и светлый. Я несколько раз подавала брату кислородную подушку, встречая каждый раз благодарственный взгляд – тихий, любящий, всепрощающий взгляд...

Несколько раз звонила Галя. На ночь она прислала сиделку, кажется, это была студентка. Она была недовольна, что здесь нахожусь я, даже не скрывала этого.

Наступило 21-е февраля. Чуть-чуть рассвело, и сиделка ушла. Мы остались вдвоем с Геной. Пришла Галя. Вскоре приехал Алексей Айги. Появился какой-то врач, он пробыл всего несколько минут. После этого Айги срочно перевели в реанимацию. Проводив его туда, мы трое возвратились в ту же самую палату. Шли не вместе, кто-то впереди, кто-то в середине. Я шла последней. Мне стало невыносимо тяжело расставаться с братом, и я повернулась обратно. Подошла к нему, поцеловала его и сказала по-чувашки: «Тете, халь эпир каятпӑр, кӑштахран сан патна килетпӑр» (Брат, сейчас мы уйдем, а чуть погодя придем к тебе). Когда пошла обратно, вдруг резко повернулась и увидела его прощальный жест – он махнул рукой.

Должны были подъехать дети Айги, но они попали в пробку. Мы ждали их в палате. Наверное, прошло около часа. Я почему-то вышла в коридор и увидела лечащего врача Айги. Она стояла у стола дежурной медсестры – они о чем-то говорили и посматривали на нашу палату. Я подошла к ним и спросила: «Доктор, как мой брат?» Она ответила: «Он умер». Я вбежала в палату (а доктор мне вслед: «Ева Николаевна! Ева Николаевна!»), упала на колени и кулаками била об пол и кричала: «Гена умер! Гена умер!» Галя и Алеша заплакали... Мы плакали долго...

Через несколько часов я позвонила в Чебоксары, в Министерство культуры, сообщила трагическую весть. Из Администрации Президента сообщили: чтобы перевезти гроб, вышлют в Москву машину, для прощания с поэтом гроб поставят в Большой зал филармонии (когда хоронили известных людей, поступали именно так). Я не согласилась с таким предложением, сказала: «Айги – христианин, надо хоронить его по христианским правилам. Гроб надо поставить в храм». Так и решили.

22 февраля вечером прибыла из Чебоксар большая машина. Мы, четверо – я, старший сын Айги – Андрей, Алексей Лазарев – муж Наталии Азаровой, которая устроила Айги в хорошую клинику, и сотрудник министерства культуры М.Н. Краснов, поехали на этой машине, сопровождая гроб поэта. Остальные поехали на легковых автомобилях.

Ехали всю ночь. Была холодная, звездная ночь. С рассветом 23 февраля прибыли в Чебоксары, остановились прямо у церкви Воскресения Христова. Заупокойная служба была организована очень хорошо. Как только вошли в храм, сразу же совершили заупокойную литию (совершали ее несколько раз), после литургии 23 февраля совершили отпевание, всю ночь читали Псалтирь (читали семинаристы духовного училища).

Произошла такая история. Я все время была при гробе, иногда что-то поправляла там. Вдруг вижу – на Гене нет креста. Не знаю, с какого года он начал носить нательный крест. По крайней мере в Денисовой Горке я всегда видела его с крестом, – это был прекрасный крест на черном кожаном ремешке, Айги носил его не снимая. Вот его не было. Может быть, он остался в морге. Я тут же купила новый крест и повесила ему. У меня с собой была маленькая икона святого мученика Авраама Булгарского (Айги считал его первым чувашским святым), вот эту икону я положила ему на грудь. Вот так с новым крестом и с иконой святого он и был похоронен. А за несколько дней до кончины Айги исповедался и причастился.

Для общего прощания гроб потом несколько часов стоял в Большом зале филармонии. Похоронили Айги в Шаймурзино рядом с могилой мамы. Отпевал его протоиерей Анатолий (Сорокин) из Туруновской церкви.

Изменилось ли отношение Айги к христианству в течение жизни? Думаю, что не изменилось. Просто оно стало ясным. Всеобъемлющим.

Что для Айги значило христианство? Свет, Истину и Любовь. Одно дело – знать это умозрительно, но главное – войдет ли это знание в твою кровь и плоть, станет ли живительной силой, руководящей твоей жизнью. Думаю, человек, который учил меня спасительной Иисусовой молитве, знал этот путь, стоял на этом пути. Мне кажется, Айги 20 февраля 2006 года, когда его лицо сияло, узнал и великую тайну. Если происходило так, он должен был испытать великое счастье.

Я сейчас вспомнила его слова, сказанные мне при последней встрече: «Мне ничего не страшно – я с Богом».

Слава Богу за все!

Е. Лисина.

04.01.2020.

Печаль¹⁷

Сестре Еве

В Армении,
в окрестностях Татева,
спустившись с гор, я увидел издали
семь-восемь мужчин-жнецов, –
и, идя по полю, я вспомнил
сельских детей, себя и маму,
как мы возвращались с поля
со серпом на плече, –
по-прежнему несчастлив?... разве сейчас и земля –
не мать ли?

На сердце с давних пор – невыносимое...
Но – кажется, кто-то есть в этих полях, –
родной человек, кажется, вот-вот встретится он:
как в здешних пустых храмах
чувствуется Твое присутствие, Иисус,
как будто в поле есть кто-то утешающий...

1967 г. 4 сентября

Татев

¹⁷ Неопубликованные стихи Г. Айги, в подстрочном переводе Е. Лисиной.